ТЫНЕ, ИЛИ НОСОРОГОМ

растеиие (в целях самозащиты) тут же образует вокруг углублеиия жесткое древесное затвердеине — каллюс. Это н есть те самые сабо. После того как дятел покниет гнездо, его тут же заселяют другие пернатые жильцы — совы, мухоловки, пурпурные ласточки, н, таким образом, в одном цереусе может одновременно обнтать несколько видов птиц.

Углубнвшись в пустыию, мы вышли нз машины и отправились побродить в гигантских кактусовых дебрях. Кроме велнкановцереусов, попадались н другие виды кактусов, привлекавшие ие столько размерами, сколько необычностью формы. Среди них— опунция, среднн размеров кактус с большим количеством закругленных лепешек, вырастающих одиа из другой, сплошь заросших, словно мехом, желтовато-коричневыми иголками, из-за чего растение иапомннает пушистого нгрушечного медвежоика. Еще один страиный обитатель Соиоры — колючее дерево буджум с высоким стволом н длинными внсящимн ветвями, покрытыми, словно щетииой, черными шипообразиымн прутиками. Когда у дерева иакаплнвается достаточный запас влаги, из черных прутнков проклевываются листочки. Эти фантастического вида растеиня, достигающие шестидесяти футов в высоту, с опущеннымн «иебрнтымн» ветвямн, похожие на зеленого цвета перевернутую морковь, и в самом деле одии нз самых удивительных созданий пустынь.

Нам посчастлнвилось попасть в пустыию в пору цветення кактусов, и мы окунулись в немыслимое буйство красок. Цветы зеленые, как нефрит, н желтые, словно нарцнссы, багряные, будто вереск, н розовые, как цнкламены, апельснново-оранжевые н алые. Окажись вы случайио в пустыне, средн колючего изобилия самых иевообразимых форм и роскошных, словио восковых, цветов н скажи вам кто-нибудь в зту минуту, что вы на Марсе, даю слово, вы бы в зто поверилн.

Хотя температура была очень высокой, из-за сухости воздуха мы почти не чувствовали жары. На самом деле длительное нахождеине в кактусовом лесу таит ряд опасностей. Вы можете, сами того не замечая, сильно обгореть и вдобавок рискуете получить неожиданый укол острого, словно шпага, шипа. Попробуйте, проходя, задеть опунцию, и вы убеднтесь, сколь обманчив вид безобидного пушистого зверька. Целый час потом вы будете вытаскивать из своих рубашки и брюк колючие доказательства его любви. Жизнь Аластера, который шагу ие мог ступить, чтобы ие споткнуться, н который вдобавок вечно бегал сам и подгоиял других, с момента иашего приезда постоянио висела на волоске. Однажды, вы-

бирая нужный ракурс для кадра, он, пятясь, чуть не сшнб пожилой цереус, простоявшнй иа этом месте около сотнн лет н ие пожелавший вовремя посторониться для режиссера фильма. Старик к тому же оказался неимоверно колюч. Вопли бедолаги Аластера, учитывая дувшнй в тот деиь попутный ветер, были слышны, должно быть, в самом Лоидоие.

Повезло нам также и с помощннкамн. Сотрудники Сонорского музея пустынь — зтого уникального в своем роде заведения, в котором все экспонаты не чучела, а живые зверюшки, — прнняли в иас самое горячее участие. К иашему вящему удовольствию, онн разрешили нам набрать исполнителей главиых ролей, большинство из которых было ручными, прямо из музея. Немного погодя мы поияли, что радость наша оказалась несколько преждевременной. Мы намеревались продемонстрировать хорошо известный способ ловли ящериц с помощью приделанной к палке петлн нз лескн — способ, которым я сам неоднократно и успешио пользовался. Он заключается в следующем: вы незаметно подкрадываетесь к ящернце, осторожно накидываете ей на шею петлю, далее следует резкий рывок — и добыча у вас в руках. Для демонстрации техники ловли мы одолжили одного из старейших обитателей музея — огромиую почтеииую игуану. У зтих ящериц, двух футов длиной, толстое, рыжевато-коричневое тело, широкая морда, выражением иапоминающая Черчилля (только без сигары), и очень прочный хвост. Нашего будущего кииогероя звали Джо, и на морде у него было написано столько важности, словио он только что произнес речь о судьбах мира, а мы

пристаем к нему с какими-то глупостями. Тогда мы деликатно начали объяснять, что от него требуется, а требовалось от него совсем немного — всего-навсего слегка закопаться в песок, подождать, пока подкрадется Ли н аккуратно накинет петлю на его жирную шею, а когда он почувствует, что петля затягивается, начать рваться и брыкаться изо всех сил, будто он всамделишная дикая игуана, а не обученная хорошим манерам ящерица, прожившая четверть века в приличном обществе. Необычайно умное выражение его физиономии позволило нам надеяться, что он усвоил все наши требования, а так как роль была к тому же немой, то мы окончательно уверовали в успех. Аластер, ничуть не сомневаясь, что перед ним восходящая кинозвезда, дошел до того, что потрепал Джо по голове, добавив ласково: «Молодец, змеюка!»

Но, как часто случается на съемках, когда камеры были наготове, а Ли, вооруженная палкой с леской, только ждала знака режиссера, с Джо произошла странная метаморфоза. Как только его посадили на камень, он моментально утратил всяческую живость. На него напало что-то вроде рептильего сценического страха, н он сидел, абсолютно не шевелясь, словно образцово-показательное чучело. Когда затянувшая его шею петля подняла его в воздух, он не только не трепыхнулся, а даже глазом не моргнул, будто н впрямь был набит опилками. И ничто не могло вывести его из транса. Мы орали на него, швыряли в него чем попало, совали ему под нос любимые лакомства — жуков, все напрасно. Он оставался по-прежнему недвижим, словно был высечен из камня. Наконец наше терпение лопнуло, н Джо был с позором препровожден обратно в музей.

Со змеями нам повезло чуть больше. Стивен Хейл, наш консультант-герпетолог и змеиный пастырь, прибыл к нам на грузовике, полном сумок с извивающейся паствой,— зрелище, приведшее в ужас наиболее слабонервных членов нашей съемочной группы. Гремучая змея с ромбовидным рисунком на спине пребывала явно в дурном настроении, отчего начала трещать, словно ружейная пальба, задолго до того, как подошла ее очередь выступать. Эта изысканной расцветки резвунья неутомимо протрещала всю свою сцену, время от времени делая злобные выпады повсюду, куда могла дотянуться. Арлекиновый аспид, в умопомрачительном сочетании розового, красного, черного и желтого цветов, похожий на аляповатый итальянский галстук, заставил нас поволноваться, развив такую прыть, что мы и оглянуться не успели, как его след простыл. Но, наверно, самой красивой и уж, без сомнения, самой сговорчивой оказалась молочная змея пяти футов длиной с иссиня-черной сверкающей чешуей в ярко-желтую полоску. У нее были огромные темные влажные глаза и слегка приподнятые уголки рта, что придавало ей необычайно кроткое выражение. Казалось, она все время застенчиво вам улыбается. Не выказав ни малейшего неудовольствия, она позволила поймать себя сначала петлей из лески, потом специальной палкой с раздвоенным концом, обнаруживала себя на камнях и под ними, бесконечно ползала по зарослям кактусов и других малоудобных колючек, разрешала брать себя на руки. При этом она нежно обвивалась вокруг пальцев, рук и шеи Ли. И только когда в финале раздались роковые слова Аластера: «Ну, хватит нянчиться. Положи эту ящерицу вот сюда, на камень»,— змея разобиделась и укусила свою партнершу. К счастью, молочная змея неядовита.

Нашим съемкам в пустыне сопутствовала прекрасная погода — с раннего утра, с его изумительными зеленовато-розово-лиловыми облаками, постепенно тающими в ослепительном солнечном свете, окутывающем кактусы звенящим золотистым маревом, до позднего вечера, когда необъятное небо (в пустыне оно во много раз выше чем где бы то ни было) окрашивалось в багрец и пурпур такой дивной чистоты, что знаменитые Тернеровские закаты побледнели бы от зависти.

Одной из привлекательнейших особенностей нашего сериала была постоянная смена декораций. Следуя этой традиции, мы распрощались с гигантскими кактусовыми джунглями Аризоны и устремились в холмистые саванны Южной Африки — в крупнейший заповедник с чудесным названием— Умфолози.

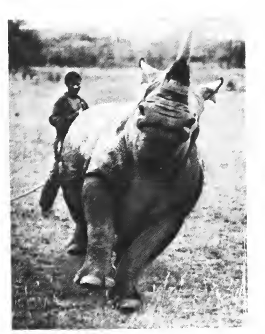
Весь путь к этому райскому уголку земли — предупреждение о грядущих экологических катастрофах. Но вы не вдруг осознаете это. Вначале вы видите расстилающиеся на многие мили холмистые зеленые луга, чем-то неуловимо напоминающие Англию. Где-то подсознательно вы чувствуете, что в этих местах когда-то шумели непроходимые леса, а теперешние, кажущиеся на

первый взгляд сочными и зелеными луга на самом деле выжжены и выветрены, вытравлены скотом и перенаселены. Но все это, как ни странно, придет вам в голову много позже, когда вы достигнете Умфолози, увидите впереди изгородь, а за ней девственную Африку — ту, которая существовала до прихода европейцев и демографического взрыва среди коренного населения. Заросли акации, сочнейшие изумрудные луга, необъятные великаны баобабы — да разве описать словами весь этот разгул природы?

Национальный парк Умфолози — это не только царство растений, но и настоящий звериный рай. И в этом вы убеждаетесь с первых же шагов по этой благословенной земле. Полосатые, словно конфеты, зебры, грациозно галопировали рядом с машиной, кокетливо перебирая ногами. Неподалеку выделывали курбеты голубые гну, со столь причудливо изогнутыми рогами, что казалось — они взирают на вас через очки. Для таких нескладных созданий они поразительно проворны. Стадо бегущих антилоп — настоящий балетный спектакль, с непременными фуэтэ, батманами и арабесками, дополненными к тому же стойками на голове и зависаниями в воздухе в сложнейших пируэтах. Прыгая по кустарнику, зебры и гну спугивали стаи пурпурно-фиолетовых скворцов и компании птиц-носорогов с огромными, крючковатыми клювами и алыми сережками. Они вышагивали торжественно, словно при смене караула, внимательно глядя большими выразительными глазами, казавшимися томными из-за длинных пушистых ресниц. Проехав по парку почти целую милю, мы увидели главного обитателя здешних мест — белого, или однорогого, африканского носорога. Эти громадные, величественные зверюги (самые крупные после слона наземные млекопитающие) были одно время почти полностью истреблены. Правда, в самый последний момент спохватились и приняли меры к охране этого древнего великана. Теперь в Умфолози, а также ряде других областей Южной Африки их поголовье постепенно увеличивается. Встреченный нами оказался крупным самцом, величаво шествовавшим между деревьями; огромную голову победно венчал четырехфутовый рог-ятаган. Несколько маленьких птичек, словно каминные украшения, расселись у него на спине. Массивные носорожьи ноги поднимали из травы тучи кузнечиков и прочей живности. Слетая время от времени со своего движущегося насеста, птички на лету подхватывали добычу и возвращались с ней на спину гиганта. Мы остановили машину в тридцати ярдах от носорога, он тоже встал и принялся задумчиво нас разглядывать. Затем, глубоко вздохнув, пересек дорогу перед самым нашим носом и скрылся в зарослях акации.

Через полмили мы наткнулись на группу самых, на мой взгляд, симпатичных млекопитающих — жирафов. Их было пятеро: трое деловито объедали верхушки акаций, в то время как двое других, переживавших, вероятно, пору медового месяца, вели себя самым нежирафьим образом. Повернувшись друг к другу, они столь дивно переплетали шеи, что походили более на лебедей, нежели на жирафов; они целовались с таким самозабвением, что в сравнении с ними звезды французского кино выглядели бы просто жалкими любителями. Подобно всем влюбленным, они не замечали ничего вокруг и, когда мы, выйдя из машины, подошли к ним совсем близко, не обратили на нас ни малейшего внимания. Распрощавшись с жирафами, мы подъехали к на редкость несимпатичному комплексу ужасающе безликих блочных строений, которыми обзавелось местное правительство для привлечения потока туристов. И хотя по комфортабельности наше жилье не уступало разве что общественному туалету, природа сполна вознаградила нас за все наши мытарства.

Как раз в это время начался бурный и продолжительный роман Аластера и златокрота. Спешу пояснить недоумевающему читателю, что я имел в виду. Перед съемками этой серии я торжественно заявил, что не поеду в Южную Африку ни за какие коврижки, если меня не познакомят со златокротом — моей давней, несбывшейся мечтой. Существует несколько видов этого симпатичного зверька, и, несмотря на его сходство с обычным, европейским кротом, он отличается от последнего главным образом мехом, сверкающим, словно золотая канитель, и необычайно шелковистым. Мое настойчивое желание поставило Аластера в тупик, но после целого ряда отчаянных эскапад ему удалось упросить кого-то в Дурбане одолжить нам златокрота на время съемок. Это было обворожительное создание с такими малюсенькими глазками, что он напоминал очкарика, забывшего надеть очки. Пяти футов длиной, он походил на беспокойно снующий в ящике с землей мохнатый слиток золота. Как и все насекомоядные, он был ненасытным обжорой, которому для поддержания хорошего тонуса требовалось триста ярдов червей и гусениц ежесуточно. Между Аластером и забавным маленьким существом, непонятно каким образом, установилась своеобразная духовная близость, выразившаяся в регулярной трехразовой поставке к столу любимца свежевыкопанных червей и совместных ночевках в одной комнате. Правда, несмотря на большую любовь, Аластер признавал, что его сожитель слишком уж шумит по ночам и он ничуть бы не обиделся, если бы тот вел себя чуть потише. Как я уже говорил, несмотря на внешнее сходство златокрота и обычного европейского крота, они не являются близкими родственниками и схожесть эта объясняется большей частью их принадлежностью к одной и той же группе роющих млекопитающих, выработавших благодаря подобному образу жизни ряд особенностей, таких, как сильные передние лапы, почти полное отсутствие глаз и крепкий, словно нож бульдозера, ороговевший кончик морды. Мак-Тэвиш (так звали златокрота) обладал редким для млекопитающего даром — он мог менять свой цвет. Обычно он был золотистым, но стоило яркому солнечному лучу под определенным углом упасть на его блестящую шерстку, как он становился зеленым, лиловым, пурпурным! Однажды ноч-



иая деятельность Мак-Тзвиша увенчалась успехом. Ему удалось иайти в коробке уязвимое место и с помощью передних лапок расширить отверстие до иужной ширины. За завтраком безутешный Аластер траурным голосом поведал иам, что он обескротился. К счастью, все самые важиые сцеиы с Мак-Тзвишем были отсияты до того, как он обрел желанную свободу.

В зтой же серии мы собирались показать различие вкусовых привычек отдельных видов копытных, иапример, жирафов, предпочитающих верхушки акаций, и антилоп куду, специализирующихся иа инжних ветвях деревьев. Подобное делеиие иа вертикальиые зоны снижает конкуреицию и способствует равномерному распределению корма. Решив для создания большей образности пренебречь советом «не бросаться в крайности», мы составили следующую пару: поедателя верхушек деревьев и пожирателя подножного корма — сиречь жирафа и черепаху.

Решить-то мы решили, ио вот найти их оказалось не так-то просто. После длительиых поисков мы обнаружили большущую черепаху, дремлющую в теин баобаба. Аластер, больше других переживавший оттого, что долгое время не иаходилось ни одной, даже самой завалящей, первый ее заметил, на ходу выпрыгнул из машины и с победным клнчем, подхватив впавшую в траис черепаху, крепко прнжал ее к груди. Это не самый умиый ход, даже если черепаха иаходится ие в столь большой задумчивости. У всех черепах огромный н прочный мочевой пузырь, и зта явио ие являлась исключеиием. Сказать, что Аластер здорово промок, было бы ничего ие сказать. На нем нитки сухой не осталось.

— Еще друзья называются. Даже предупредить человека не могли. Откуда мне было зиать, что черепахи писают, да еще так... — жаловался он.

Посаднв облегчившуюся черепаху в коробку и обтерев Аластера всеми подручными средствами, мы отправились за жирафом. Как вы, иаверное, догадались, жирафов вдруг как ветром сдуло. Посвятив поискам иесколько часов, мы в конце концов отыскали среди акаций высокого, красиво раскрашеииого самца.

Одиа из геииальных идей Аластера заключалась в следующем: взяв иа руки черепаху, я осторожно приближаюсь к жирафу, ставлю черепаху иа землю, поворачиваюсь к камере и, обратив свой взор ввысь, зиакомлю зрителей с секретами жирафьей диеты; скользя взглядом вниз, делаю критический обзор гастроиомических пристрастий аитилоп н заканчиваю выступление обнародованием черепашьего меню. При зтом я наклоияюсь и беру черепаху иа рукн. Все очень просто. Воплотить сей гениальный замысел оказалось куда сложиее.

Держа в руках яростно шипящую черепаху, я выбрался из машииы и проследовал к жирафу. Жираф недоверчиво иаблюдал за нами. Еще ни разу за всю долгую и счастливую жизнь не было случая, чтобы завтрак его был прерваи появлением какого-то подозрительиого субъекта с воинствующей черепахой в придачу. Не будучи по иатуре любителем острых ощущений, ои ие стал дожидаться развязки. Тревожно всхрапнув, жираф обошел вокруг дерева и спрятался так, что осталась торчать только голова.

— Нет, так ие пойдет,— запротестовал Аластер.— Его же совсем ие видно.

Я ходил за жирафом вокруг колючей акации, а ои так же степенно, соблюдая первоиачально устаиовлеиную дистанцию, двигался от меия. Наши упражиения продолжались довольио долго, стаиовясь все более похожими иа вальс, и иакоиец я не выдержал.

— Ну, хватит. Так тоже не пойдет, — сказал я Аластеру. — Какого черта ваша камера стоит иа месте?

Камера поехала за нами, и после целого ряда неудачных туров вокруг дерева иам удалось заснять жирафа в том ракурсе, который требовался режиссеру.

— Отлично,— возрадовался Аластер.— А теперь поставьте-ка зту штуковнну на землю, и пошел текст о зебрах.

Положив черепаху, как того хотелось Аластеру, я встал перед камерой и рассказал сначала о жирафах н нх вкусах, а затем, по аналогии, о всех других копытных.

— Итак,— завершая выступление, произиес я,— мы видим, что благодаря существующему среди травоядных принципу гастрономической избирательиости корма хватает всем, от самых высоких до тех, кто обитает виизу, в траве.

Произнеся зто, я наклонился за черепахой, ио!.. Увы, оиа нсчезла. Со скоростью, вовсе ие свойственой этому пресмыкающемуся, оиа успела отползти иа пятьдесят ярдов н скрылась в зарослях акации. Остается добавить, что зтот сюжет пришлось полностью выброснть.